

В период глубокой неудовлетворенности «байроническим» «Кавказским пленником» (1821—1822) и наступившего в связи с этим своего рода творческого распутия, в Пушкине с особенной остротой возникла потребность выхода его самого и выведения им вообще всей русской литературы на путь самостоятельного развития. К этому времени относится набросок-план задуманной им обзорной статьи «О французской словесности», как имевшей «самое большое влияние на нашу», во многом, как считает он, вредное. Позднее Пушкин будет противопоставлять в этом отношении французской литературе английскую. Но данный набросок заканчивается энергичным призывом поэта обратиться к национальным истокам («есть у нас свой язык; смелее! — обычаи, история, песни, сказки — и проч.») (XII, 192). Соответственно этому и под влиянием друзей-декабристов в творческом сознании Пушкина возникает ряд чисто отечественных замыслов — поэм о летописном герое, сыне Владимира, Мстиславе, о волжских разбойниках, стихотворного произведения на излюбленный декабристами сюжет о древнерусском «республиканце» Вадиме. Сперва это произведение мыслилось Пушкиным в форме трагедии в духе французского классицизма, но писанной русским народно-песенным стихом и приемственно связанной с трагедией Княжнина «Вадим Новгородский», полемически заостренной (в трактовке образа героя) против «Рурика» Екатерины II и сожженной рукой палача. Отказавшись от этого, Пушкин снова начал разрабатывать этот сюжет в форме «байронической» поэмы.

Как видим, в эту пору позиция Пушкина по вопросу о народности была в известной мере близка призыву одного из участников булгаринского «Разговора» — обращаться исключительно к отечественным источникам. Однако характерно, что ни один из только что перечисленных замыслов не был Пушкиным осуществлен. А к периоду написания первых глав «Онегина» и начавшейся работы над «Борисом» в результате вдумчивого изучения великих западноевропейских шедевров и особенно Шекспира взгляды его по этому вопросу существеннейшим образом расширились и углубились. Об этом свидетельствует новый набросок статьи Пушкина, полностью посвященный вопросу «о народности литературы», сделанный им, судя по дате (5 мая 1825 г.), вскоре после прочтения булгаринского «Разговора».

Набросок, как это было и в отношении романтизма, характерно начинается с указания на необходимость прежде всего определить содержание самого понятия народности: «С некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы — но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность. Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из Отечественной истории, другие видят народность в словах, т. е. радуются тем, что, изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения» (XI, 40). Под «одним из критиков» несомненно имеется в виду упомянутый участник «Разговора» и те, кого обобщил в этом условном персонаже Булгарин. В ответ Пушкин ссылается прежде всего на Шекспира и других великих европейских писателей от Ариосто до Расина, которые в своих произведениях «поминутно переносят во все части света, заедают предметы» из самых различных иноземных литературных источников. «Мудрено, однако же, — продолжает Пушкин, — у всех сих писателей оспаривать достоинства великой народности». Наоборот, в произведениях таких отечественных писателей, как автор «Россияды» и «Владимира» Херасков, нет ничего (Пушкин приводит слова Вяземского) «народного, кроме имен». «Что есть народного», спрашивает Пушкин, в героине трагедии Озерова «Дмитрий Донской», Ксении, «рассуждающей шестистопным ямбом о власти родительской с наперсницей посреди стана Дмитрия?». Подобной чисто внешней якобы «народности» Пушкин тут же противопоставляет то, что называл, говоря о своем «Борисе Годунове», «народностью истинной»: «Климат,